

Денис С. Клещев

**Глубинная Вселенная:
внутри — вовне**

(Философский очерк о непрерывности
пространства, времени и сознания)

Denis S. Kleshev

**The Deep Universe:
inside — outside**

(The philosophical Sketch about a Continuity
of Space, Time and Consciousness)

Вследствие возрастания энтропии информация, получаемая в последующие моменты времени, может оказаться менее ценной, чем информация, полученная в самом раннем состоянии системы, но в принципе количество информации со временем не меняется.

Юджин Вигнер

II.

АРХЕЙСКАЯ ЭРА НАУКИ

(язык архетипов на заре истории)

Когда мы говорим о науке, то в голове сразу возникает образ непогрешимой истины, которая была обретаема дисциплинированием ума и отлита в безупречные формы математических символов — четких определений, которые не могут содержать ни ошибок, ни внутренних противоречий. Но в том-то и дело, что это только идеализированный образ науки, в который нам бы хотелось *верить*, и мы, действительно, многого не узнали бы об окружающем мире без глубокой веры в этот направляющий образ.

Тем не менее, не следует забывать слова Вернадского о том, что «*научное мировоззрение не есть научно истинное представление о Вселенной*».¹ Поскольку в науке отражены не все бесконечно подвижные взаимосвязи реальности и поскольку в ней всегда присутствуют уровни незнания претерпевающих эволюционные изменения гностических систем, принятые в научном сообществе методы исследований выступают лишь весьма правдоподобными приближениями к реальным взаимоотношениям и процессам. Истина, если мы, конечно, верим ее в существование, может быть выражена только *верой*, не случайно и латинское слово «*Veritas*» = «*Истина*» содержит ровно тот же корень \sqrt{ver} , который в русском языке образует слово «*вера*», поэтому для русского человека верить и следовать истине означает (и всегда означало) в сущности одно и то же.

Владимиром Вернадским и Александром Койре задолго до книги Томаса Куна были замечены многие нелинейные особенности развития науки, однако именно Томас Кун нашел, пожалуй, самое точное слово для описания состояний научного сообщества: *парадигма* и есть «*образ*» или некий «*образец*», в который верит ученый и которому он стремится соответствовать. Но из психологической составляющей, вызывавшей сомнение у Имре Лакатоса, следовало, что парадигма мало чем отличается от *дрессировки* мозга, то есть от выработки условных рефлексов и реакций на раздражители многократным повторением одних и тех же приемов рассуждения, хотя настоящий исследователь, и в этом его отличие от ученых, часто занятых лишь подражанием или биологической *мимикрией* под исследователя, стремится познать суть явления, что не входит в задачи *дрессировки*, когда достаточно *уметь*, а понимать совсем не обязательно или даже вредно для сложившейся парадигмы.

Помимо неизбежной на первых порах дрессировки (как говорил во время своих лекций Лев Ландау, «*учите математику, а понимание придет потом*») зрелым исследователем движут иные внутренние потребности, далеко не всегда обусловленные желанием получить самый большой кусочек сахара или Нобелевскую премию. Следовательно, для понимания глубинных процессов познания необходимо заглянуть в самое живое существо гностических

¹ Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С.73

систем, а именно — в ту внутриклеточную жизнь, благодаря которой возникает всякий ментальный образ, включая направляющий образ самой науки.

Если генетический язык молекулы ДНК состоит из четырех комплиментарных друг другу азотистых оснований (*аденин* ↔ *тимин*, *цитозин* ↔ *гуанин*), а язык биохимии — из соединений органики, то ментальные образы формируются через восприятие зрительных и звуковых сигналов, находящихся смысловое и языковое соответствие. Само слово «язык» в русской речи созвучно слову «азы», то есть «основы», а также «азь» — древнерусский синоним местоимения «я». Воспринимая санскрит в качестве остаточной формы общих индоевропейских корней, этимологию привычного для нас слова «язык» можно произвести от санскритских корней $\sqrt{ya} + \sqrt{as} = \text{«который есть»}$ или «то, что я есть». Причем эта традиция говорить о себе во втором или третьем лице «я» (санскр. \sqrt{ya}) = «который», в самом деле, является особенностью архаичного мышления, когда человек еще не выделял себя из родоплеменной группы. Поэтому, например, латинское «ego» = «я» для русского человека звучит как родительный падеж местоимения «он» = «его», а немецкое местоимение «ich» = «я» как родительный падеж местоимения «они» = «их», то есть относящийся «к ним».

Другой близкий санскритский корень \sqrt{yaj} , от которого происходит слово «yajus» = «жертва», объясняет еще один важный аспект: почему словом «язычество» обозначается древняя обрядовая *яджическая* культура, суть которой сводилась к принесению жертв высшим силам. Если «язык» — не только звуковой орган речи, но и моя душа («то, что я есть»), стало быть, «yajus» («яджус» или «язус») — не просто «жертва», а именно то, что жертвующий отдавал богам непосредственно как часть *самого себя*. Иначе говоря, уже в самом происхождении слова «язык» мы обнаруживаем представление о том, что он *образует* человека, составляет образ его души и образ целого сообщества людей, поскольку то же слово «язык» сравнительно не так давно выступало распространенным синонимом понятия «народ» (от санскр. \sqrt{na} = «человек»).

Язык и есть ментальная *anima* общности людей, без которой не могут возникать взаимосвязанные мыслеобразы и смысловые *отношения* между ними, то есть внутренняя *топономия* живой речи, влияющая на мыслительный процесс, независимо от того, осознает его или нет носитель языка, поскольку одни значения слов и их *корней* оказываются в зависимости от склада и конструкции языка ассоциативно ближе или дальше по отношению к другим значениям и словам. Происхождение и развитие языков имеет поэтому прямую и обратную связь со сменой гностических систем — это такой же эволюционный процесс, состоящий из *онтогенеза*, протекающего среди носителей языка, и *филогенеза*, который проявляется в языковом дрейфе на уровне народов, этносов, языковых групп.

В зависимости от языка и его *топономического* пространства на нейронном уровне развиваются соответствующие устойчивые связи, доходящие у взрослого человека до такой слаженности, что ему бывает очень трудно их перестроить, не имея специального навыка изучения языков, развитого у профессиональных лингвистов. Давно было замечено, что дети в раннем возрасте более восприимчивы к иностранным языкам, что обусловлено гибкостью и неустойчивостью ментальных, а значит, и нейропептидных связей. Для древних языковых культур была характерна аналогичная ментальная неустойчивость и гибкость, позволяющая не просто заимствовать слова из других языков, но выражаться с помощью «смешанных» языковых структур ближайших родоплеменных групп. В этом смысле, действительно, можно говорить о существовании единого *празыка*, но не потому, что существовали единые для всех племенных групп *правила* произношения слов, а потому, что на протяжении многих тысяч лет вообще не существовало никаких закрепленных языковых канонов.

Такое своеобразие доисторических языков затрудняло появление письменности, так как письменность всегда подразумевает наличие установившейся устной речи. Чем динамичнее видоизменяется устная речь, тем сложнее установить единый канон правописания, но если у языка появляется письменность, то естественные процессы «смешения» и образования новых языков, которые в современном мире столь же активны, ограничиваются заимствованием отдельных терминов и словосочетаний. Другой особенностью *праязыка* было изобилие близких по смыслу слов, способствующих развитию особой речевой памяти, внимания и воображения. Так как строгого разделения, скажем, на прилагательные и существительные тогда еще не было, то и вариантов выражения мысли было больше, чем в современных языках, хотя сами мысли были незатейливыми. Столь же разнообразными и простыми по строению являлись и первые многоклеточные организмы в период *протерозоя*.

Естественно, возникает вопрос, что могла представлять собой первая речь и, более того, первое слово, которое можно было бы отождествить с появлением человеческого сознания и культуры? Ведь у других биологических видов тоже существуют звуковые системы, порой, достаточно сложные, напоминающие, междометия, которыми мы по сей день пользуемся для передачи быстрых сигналов. Причем, очевидно, что этих простых сигналов недостаточно для дальнейшего совершенствования речевого аппарата. Из них не складываются ментально-языковые системы, поскольку они, подобно «*словам-паразитам*», зависят от физиологии организмов, как размножение вирусов полностью зависит от иммунитета и метаболизма внутриклеточных структур.

Но можно предположить, что первым словом, связанным непосредственно с работой сознания, являлось вопросительное междометие «*a?*», прежде всего, потому, что во всех культурах этим простейшим словом обозначается неопределенный вопрос. В зависимости от интонации звук «*a*» может, конечно же, обретать и другие смыслы, с этим звуком связана характерная для человека способность смеяться, с помощью него можно выражать отчаяние и утрашение. Но все-таки звук «*a*» вряд ли можно признать полноценным словом. В эволюции биологических систем такие простейшие сигналы можно сравнить, скорее всего, с *прокариотами* — бактериями, имеющими генетический материал и оболочку, но не имеющими отдельного ядра, в котором бы содержался хроматин или «*наследственное вещество*».

Ядром слов, которыми мы пользуемся, является их *корень*, именно через него мы можем проследить этимологию слов, изменение смыслов, взаимосвязи между различными языками и *топономические* отношения в языковой структуре. В словах выделяются также артикли, приставки, суффиксы, окончания, ударения, твердые, мягкие, шипящие, звонкие, глухие звуки, а также другие своеобразные структурные элементы, от которых зависит, например, изменение корневых гласных при склонении некоторых слов. Все эти морфологические элементы образуют живое слово, которое в ходе построения предложений ведет себя как клетка во взаимосвязанной структуре многоклеточного организма. В самом деле, каждое слово можно выделить в речи кратковременным интервалом, который можно уподобить *клеточной мембране*. Все формы, времена, склонения, которые может образовать слово, находятся в нем уже готовыми к употреблению, что достигается разветвленной сетью вариаций, соединенных с корнем. По этой сети проходит поток входящих и исходящих соединений, необходимых для связи слов в предложения, аналогичную роль в живых клетках выполняют *эндоплазматическая сеть и аппарат Гольджи*.

Как видим, взаимосвязанная речь потребовала от языка развития внутренней структуры, которая не только напоминает дифференцировку цитоплазмы внутри клетки, но фактически является переносом внутриклеточной структуры на всю ментально-языковую организацию речи. В самом деле, если рассматривать не только формальную структуру слов, как заведено в учебных пособиях, а непосредственно живую речь, то невозможно представить понимание слов без их эмоционально-психологической окраски. То есть следует включить в структуру слова еще один «внутренний орган», отвечающий за насыщение данного слова энергией. В живой клетке таким органом, выделяющим при окислении энергию, являются *митохондрии*, у которых есть автономный генетический аппарат.

Так, например, в клетке печени может насчитываться до 2500 митохондрий, а в любом языке, как известно, существуют особые экспрессивные слова, насыщенные желчью, гневом, страстью, с помощью которых человек способен выделять и задействовать мощные потоки психической энергии.

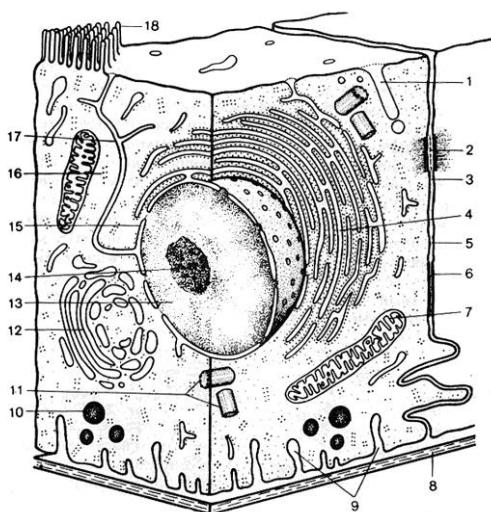

Рис. 5. Схематичное строение клетки, Эрнст Хадорн и Рюдигер Венер (1989):

1 — пиноцитозные каналцы для поглощения воды, 2 — десмосома для связи с соседними клетками, 3 — межклеточная щель, 4 — шероховатая эндоплазматическая сеть, 5, 6 — клеточная мембрана и плотный контакт с соседней клеткой, 7 — митохондрия, 8 — базальная мембрана, 9 — базальные лакуны, 10 — лизосомы, которые участвуют в метаболизме, а иногда переваривают всю клетку целиком при генетически заложенных метаморфозах, 11 — перпендикулярные друг другу центриоли, необходимые для создания полюсов митотического веретена во время деления клетки, 12 — аппарат Гольджи (выделительный орган), 13 — хроматин ядра (ДНК и белки), 14 — ядрышко (РНК и белки), 15 — ядерная оболочка с порами, 16 — рибосомы, синтезирующие белки, 17 — гладкая эндоплазматическая сеть, 18 — микроворсинки, расщепляющие вещества.

В развитой речи образованного человека насчитываются десятки тысяч слов, тогда как высшие организмы состоят из многих миллиардов клеток. Однако устная речь не является для нас единственным языком, существуют еще художественно-эстетические, невербальные, религиозные, естественнонаучные, математические, правовые языки, которыми пользуется человек. Все это разнообразие образует общечеловеческую культуру, подобно тканям и системам органов, причем, для каждой такой системы характерны определенные слова и ментальные коды. Так что формальный подсчет используемых слов не отражает подлинный языковой массив, а скорее указывает на типы клеток в разных соединительных тканях.

Как уже было сказано, смысловые *отношения* между словами образуют внутреннее *топонимическое* пространство живой речи, которое оказывает влияние на развертывание мысли и формирование новых смыслов. Подобная структура в клеточном строении связана с распределением *микротрубочек*. По диаметру (10 — 25 нм) они сопоставимы с размерами

рибосом (≈ 20 нм) и выполняют роль подвижного каркаса клетки, изменяющего ее внешний вид, образующего нити веретена в процессе деления, кроме того, именно они обеспечивают рост *аксонов* нервных клеток, а значит, непосредственно влияют на возникновение новых связей-синапсов между нейронами. В книге «Тени разума: в поисках науки о сознании» (1994) известный математик Роджер Пенроуз и доктор Стюарт Хамерофф сформулировали на основании исследований микротрубочек гипотезу, согласно которой в микротрубочках нейронов, определяющих направление роста нервных волокон, осуществляются квантовые процессы обработки информации.²

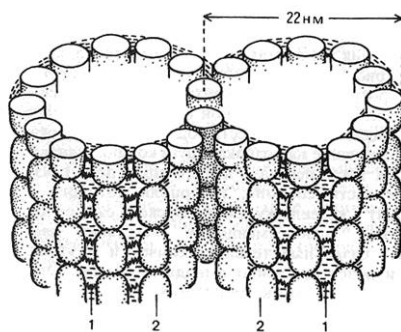

Рис. 6. Строение дуплета микротрубочек, Эрнст Хадорн и Рюдигер Венер (1989):
1 — белковые (*деиновые*) связи между микротрубочками, 2 — мономеры молекул тубулина.

Несмотря на то, что нормальная температура тела у всех известных организмов значительно превышает температуру, при которой, как считают ученые, могут работать «квантовые компьютеры», поляризация тубулина в момент образования микротрубочек, действительно, имеет электромагнитную природу. Причем для целенаправленного роста каркаса клетки в некотором заданном направлении необходимо, чтобы через эти волновые процессы внутри нейрона передавались закодированные импульсы. Иначе говоря, вся ментальная система должна вести себя так, как если бы она состояла из запутанных квантовых частиц.

Разумеется, физикам в наши дни о запутанных частицах известно не так много, чтобы в обозримом будущем в науке появились разделы, скажем, квантовой генетики или квантовой психологии. Однако достоверно установлено, что запутанные квантовые состояния можно использовать для передачи и кодирования сигналов. Еще в 1980 году Алан Аспект провел знаменитый опыт по измерению состояний двух удаленных друг от друга частиц *A* и *B*, имеющих в прошлом взаимосвязанное состояние, в результате чего была обнаружена дальнедействующая связь: в момент изменения состояния частицы *A* удаленная частица *B* тоже реагировала и меняла свое состояние, словно получая сверхбыстрый сигнал об измененном состоянии частицы *A*.

Если человек научился передавать или, по крайней мере, фиксировать сверхбыстрые сигналы, то разумно было бы предположить, что природой запутанные состояния частиц применялись задолго до открытия парадокса Эйнштейна-Подольского-Розена (1935), в соответствии с которым квантовомеханическое описание не является достаточно полным уже потому, что «две физические величины с некоммутирующими операторами могут быть реальными одновременно».³ Другое дело, что даже спустя почти столетие научное сообщество не готово признать возможность распространения информации со скоростью,

² Penrose R. *Shadows of the Mind: An Approach to the Missing Science of Consciousness*. Oxford University Press. 1994.

³ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов*. Том III, М., 1966. С.610

превышающей скорость света в вакууме, причем не только в космическом пространстве, но и на внутриклеточном уровне. Поскольку такая постановка вопроса грозит очередным научным переворотом и реабилитацией теории дальнего действия, отвергнутой в начале XX века после «окончательной победы» теории относительности.

Многие эффекты сознания, протекающие, например, в фазе быстрого сна, во время гипноза в так называемых «*измененных состояниях*» либо во время интуитивных озарений, столь распространенных среди выдающихся ученых, можно объяснить включением сознания в потоки сверхбыстрых импульсов, обмен которыми постоянно происходит на нейронном уровне. В некотором смысле язык и есть система *ментальных нейронов*, необходимых для абстрактного мышления, только обработкой смыслов в сознании человека заняты все без исключения клетки, а не только центральная нервная система.

При этом, хотя каждое слово, необходимое для возникновения мыслеобразов, можно рассматривать как отдельную клетку *ментального организма*, наследственная информация внутри языкового ядра не исчерпывается одним *корнем*, задействованным в том или ином слове. Для сохранения целостности и непрерывности сознания, то есть для существования человеческой личности, в ядре каждого отдельного слова должны содержаться ключи ко всем приемлемым для данной личности смысловым комбинациям языка. Что можно сравнить с наличием общего генетического кода в ядре каждой клетки, хотя активные участки ДНК в зависимости от дифференциации клеток существенно различаются. Исключения составляют случаи, когда в одном и том же организме в результате мутации уживаются и размножаются клетки, содержащие неидентичные макромолекулы ДНК или даже неидентичные наборы хромосом. Но аналогичные случаи расщепления личности встречаются и в психологической практике, когда формально один и тот же человек совмещает в себе две разные личности с различным поведением, так что одна личность не имеет никакого представления о знаниях и событиях, содержащихся в памяти другой личности.

Возможно, «*внутриклеточная*» интерпретация языка выглядит слишком громоздкой по сравнению с общепринятыми морфологическими и орфографическими правилами, но она позволяет увязать между собой развитие звуковых сочетаний и мыслеобразов со структурой нейронов, без чего ни один язык не будет слаженно взаимодействовать с корой головного мозга. В частности, по этой причине не прижился и не получил ожидаемого распространения искусственный язык *эсперанто*, для создания которого был задействован передовой опыт, накопленный языковедческой наукой. Казалось бы, в нем есть все необходимое для связи слов, корни языка знакомы подавляющему большинству людей. Усилиями энтузиастов была проделана кропотливая интеллектуальная работа по переводу на *эсперанто* произведений мировой художественной литературы. Однако мечта о появлении универсального для всех людей языка так и не осуществилась, потому что наличие четких формальных правил — далеко не единственное и совсем необязательное условие для жизни и эволюции языка.

Безупречный с формальной и лингвистической точки зрения язык, созданный по всем правилам логики, на практике оказался нежизнеспособным, за ним не оказалось реальной предыстории, способной порождать саморазвивающиеся мыслеобразы, поэтому у языка *эсперанто* не оказалось будущего. Но самое симптоматичное даже не в этом, а в том, что ученые, решившие в рамках механистической парадигмы, господствующей в современном языкознании, изобрести «*живой*» язык и потерпевшие на этом поприще неудачу, не сделали для себя никаких выводов.

Для появления первых палеолитических языков потребовались десятки тысяч лет становления речи, трудных испытаний, через которые проходили родоплеменные группы, наблюдений за природой, в результате которых открывались неожиданные взаимосвязи между словами, содержащими в себе упорядоченный смысл, и происходящими вокруг древнего человека неупорядоченными событиями. Та самая стадия, которая в науке презрительно называется *магической* и в которой якобы не отражается никаких «действительных процессов».

Однако именно благодаря этой постоянно развиваемой связи между языком и природой складывалось само мышление и заложенная в нем потребность к познанию, выраженная в создании разветвленной сети нейронов коры больших полушарий. Если человек в раннем возрасте по каким-то причинам выпадает из языковой среды и человеческой культуры, мозг его начинает развиваться иначе, активно развиваются отделы, отвечающие за движение тела и развитие внешних органов чувств, что со временем исключает возможность постижения им каких-либо наук. Поэтому распространенное среди логицистов недоверие к человеческому языку, который, по мнению Бертрانا Рассела, загрязняет математические мысли «ложной метафизикой», в контексте эволюционного развития гностических систем не выдерживает критики. Ложная метафизика возникает в разделах математики не оттого, что для объяснения *символов* приходится прибегать к обычному языку, а оттого, что в самом математическом языке содержатся уровни неопределенности и *незнания*, ведущие к противоречиям.

Несмотря на то, что наука вынуждена всячески отрицать *магичность* языка, а именно его способность влиять на материальную Вселенную, нельзя отрицать того, что языковые мыслеобразы оказывают воздействие на образование синаптических связей нейронов, что ведет к сложному поведению человека и формированию человеческой культуры, которая самым непосредственным образом и не всегда в лучшую сторону изменяет окружающий мир. На самом деле *магичность* языка никуда не исчезла, она продолжает существовать и проявляет себя даже в истории науки, только воспринимается теперь как некие случайные курьезы, на которые никто не склонен обращать внимания.

Например, закон передачи наследственных признаков, лежащий в основах генетики, открыл в XIX веке Георг Мендель, а периодический закон химических элементов, лежащий в основах современной химии, в том же веке открыл Дмитрий Менделеев. При этом фамилии двух первооткрывателей образованы от корня *√mendel*, а имена имеют древнегреческое происхождение, означая соответственно «земледелец» (Георг) и «посвященный Деметре» (Дмитрий), причем, согласно мифологии, именно *Деметра* подарила *Триптолему* зерна с плугом и научила его искусству земледелия.

Как здесь не вспомнить о том, какое исключительно важное и судьбоносное значение придавалось в древности *имени* человека, и как не вспомнить слова Алексея Федоровича Лосева о том, что «*имя личности и есть то, что мы, собственно говоря, имеем в мифе. Имя есть то, что выражено в личности, что выявлено в ней, то, чем она является и себе и всему иному. Итак, миф есть имя. Но миф, сказали мы, есть еще чудо. Этот третий момент нашей последней формулы также легко присоединяется к полученному более сложному понятию. Именно, получается чудесное имя, имя, говорящее, свидетельствующее о чудесах, имя, неотделимое от этих самых чудес, имя, творящее чудеса. Мы будем правы, если назовем его магическим именем... а присоединение, наконец, второго момента, истории, дает последнее преобразование, которое получит такую форму: **миф есть развернутое магическое имя**».⁴*

⁴ Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С.196

Магичность языка, конечно, не означает, что простая манипуляция, скажем, изменение имени, тут же приводит к изменению личности, к перестройке синаптических связей и всей ментальной организации. Подобные искусственные вмешательства, связанные с изменением слов языка, научных терминов или имен не производят автоматически никаких чудесных преобразований или открытий. В каждом слове заложена только возможность некоторого направления мысли, но в зависимости от *топонимии* данного слова относительно других понятий, оно, действительно, оказывается ближе или дальше к некоторым конфигурациям, обнаруживает склонность к созданию тех или иных ментальных структур.

На ранних стадиях формирования гностических систем и языкового пространства связи между словами и событиями, которые сегодня выглядят для нас случайными совпадениями, были выражены более отчетливо, не стоит однако полагать, что современным носителям языка могут открыться ровно те же ментальные свойства слов, которые вдохновляли древнего человека, для которого сами слова были непосредственными орудиями познания — такими же, как в наши дни являются, например, абстрактные математические знаки.

Нам не известны доподлинные сведения о ранних культурах, поэтому любые попытки заглянуть за исторический горизонт имеющихся археологических останков материальной культуры, этнографических данных, фрагментов языческих верований, эпических сказаний и легенд сопряжены с тем, что исследователь неизбежно сталкивается с пространственно-временной неопределенностью, для заполнения которой практически всегда приходится прибегать к предположениям. В силу известных методологических ограничений научные гипотезы оказываются неполными, вызывающими множество трудноразрешимых вопросов, кроме того, с появлением новых данных эти гипотезы существенно видоизменяются.

Так, палеонтологический возраст человека постепенно увеличился с 40 — 70 тыс. лет до 160 — 200 тыс. лет, благодаря масштабным исследованиям Y-хромосомных гаплогрупп, передающихся по отцовской линии, и мутаций митохондриальной ДНК, передающихся по материнской линии.

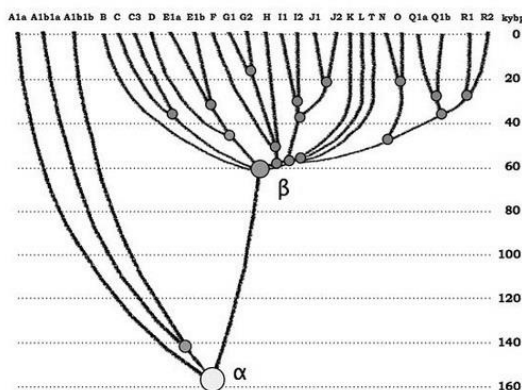

Рис. 7. Древо эволюции Y-хромосомных гаплогрупп человека (Анатолий Клёсов, Игорь Рожанский, *Advances in Anthropology* 2012):

Африканская линия A0 в настоящее время заменила в номенклатуре линии гаплогруппы A1b. Общий предок *альфа*-гаплогруппы жил примерно 160 тыс. лет назад, общий предок *бета*-гаплогруппы — 64±6 тыс. лет назад, что соответствует пику похолодания и крупнейшему за последние 25 млн. лет извержению вулкана Тоба. В общих чертах древо эволюции Y-хромосомных гаплогрупп отражает возникновение и развитие *языкового ядра* в архейскую эру эволюции гностических систем.

Следует сказать, что в подобных генетических моделях учитываются только выжившие и оставившие потомство первопродки, при этом палеогенетический *Адам* оказывается по

одним методикам старше, а по другим — младше на десятки тысяч лет палеогенетической *Евы*, несмотря на попытки сближения их возраста в рамках распространенной африканской теории, в согласии с которой человечество происходит от одной или двух малочисленных племенных групп, частично перешедших из Африки на Аравийский полуостров и, спустя тысячелетия, заселивших другие континенты. В целом наличие древних *альфа*-гаплогрупп преимущественно в Африке не вызывает сомнений, хотя гаплогруппа А1 была выявлена не только у африканцев, она была обнаружена у представителей северных народов (финнов, норвежцев, англичан), не имевших среди ближних предков выходцев из Африки, поэтому не все поддерживают африканскую теорию миграции в одном единственном направлении с юга на север (Bednarik, 2013).

В зависимости от климатических изменений на протяжении 200 тыс. лет передвижение родоплеменных групп могло происходить в самых разных направлениях. Ввиду того, что периодическое похолодание раз в 25 — 30 тыс. лет создавало даже в умеренных широтах крайне неблагоприятные зимние условия, естественно ожидать, что древние гаплогруппы лучше всего должны были сохраниться именно вблизи экватора, на южных широтах. Но практически невозможно определить какие еще существовали гаплогруппы порядка 160 тыс. лет и в каких ареалах они обитали.

По-видимому, говорить о том, что человек, владеющий достаточно развитой речью, возник исключительно на Африканском континенте не совсем правильно. Из существования в ту эпоху, по крайней мере, нескольких подвидов *палеантропов* (франкоязычные названия *неандертальцы* и *кроманьонцы* искажают в общественном сознании картину их реального расселения) следует допустить наличие множества еще более древних гаплогрупп, которые прервались в результате катастрофической депопуляции 60 — 70 тыс. лет назад. Бурное разветвление Y-хромосомного эволюционного древа после этой отметки можно объяснить как раз началом обмена генами между уцелевшими подвидами *палеантропов*. Причем, если бы в таком обмене участвовали только представители африканских *альфа*-гаплогрупп, то часть их наверняка бы осела на Аварийском полуострове, а затем просочилась бы обратно в Африку, однако 2% генотипа неандертальцев унаследовали лишь евразийцы.

В этом смысле отсутствие обратной связи с африканской гаплогруппой настораживает больше всего. Трудно поверить, что племенная группа, которая десятки тысяч лет двигается в северном направлении из Африки в Европу и на Кавказ, где еще лежат ледники, вдруг разделилась и увеличила генетическую изменчивость в десятки раз, чего в данной группе не наблюдалось на протяжении всех предыдущих 100 тыс. лет существования. Более вероятно поэтому, что носители *альфа*-гаплогрупп и еще более древних гаплогрупп задолго до пика похолодания обитали среди евразийских *палеантропов*, образуя общность с африканской гаплогруппой вблизи отметки в 140 тыс. лет.

Евразийско-африканская теория допускает, что миграции *альфа*-гаплогрупп с севера на юг и обратные миграции с юга на север происходили неоднократно, причем намного раньше, чем заявляют сторонники африканской теории, и это прекрасно объясняет разницу возрастов между палеогенетическим *Адамом* и *Евой*. Так, во время одной волны миграции с севера на юг вне пределов Африки могла появиться носительница другой митохондриальной ДНК, которая при обратной миграции с юга на север влилась в мигрирующую мужскую группу, а во время повторной миграции с севера на юг вытеснила альтернативные митохондриальные ДНК на территории Африканского континента.

Если палеогенетические методы говорят о родстве всех людей и сводят круг прямых предков к небольшой племенной группе, населяющей ареал, где в наши дни сохранилось

больше всего носителей *альфа*-гаплогрупп, то по данным археологии, например, по стоянке Сухая Мечетка (А.И. Шлюков, 178 — 209 тыс. лет до н.э), выходит, что 160 тыс. лет назад существовало несколько разбросанных по миру очагов *сапиентации*: веддо-австралоидный, монголоидный, европеоидно-негроидный. Поэтому появление в ареалах обитания разных *палеантропов* расовых признаков вида *Homo sapiens* не позволяет отбросить гипотезу независимой *сапиентации* американского антрополога Вайденрейха (1938). Весь парадокс и неопределенность антропогенеза в том и состоит, что все подвиды *Homo sapiens* не могли возникнуть в результате мутаций одной немногочисленной группы, в то же время, между разными группами *палеантропов* обнаруживается кровное родство, что свидетельствует в пользу неполноты генетических данных, в противном случае, если считать, что других древних гаплогрупп не было, все это будет выглядеть как чудо направленной селекции.

Так или иначе, происхождение человека представляет большой интерес, кроме прочего, еще и потому, что палеогенетики для передачи смысловых значений ввели в теорию антропогенеза вненаучные библейские мислелобразы первых людей *Адама* и *Евы*. При этом оказалось, что в самой мифологеме уже содержится вывод, к которому ученые пришли в результате своих исследований: кроме «*митохондриальной Евы*» у палеогенетического *Адама* была еще одна жена — «*митохондриальная Лилит*». В иудейской мифологии *Лилит* ассоциировалась с убийством новорожденных, а в мифологии шумер *Нинлиль* считалась богиней плодородия и покровительницей человеческого рода, дарующей жизнь или смерть, из чего можно понять причины вытеснения генотипа *Лилит* из эволюционного древа жизни.

Рис. 8. «Царица ночи» *Лилит*, II тыс. до н.э.

В отличие от «*митохондриальной Евы*» более древний женский фенотип обладал, по всей видимости, особенностью, приводившей к чрезвычайно высокой смертности плода и матери во время родов. На это указывает широкая распространенность женских оберегов богини судьбы, аналогичных *шумерским* и *хараттским* (5 — 4 тыс. лет до н.э), которые изготавливались и вырезались из костей мамонта на Русской равнине в Костенковской (50 — 35 тыс. лет до н.э.)⁵ и в Елисеевской (35 — 25 тыс. до н.э.) палеолитических культурах.⁶ В

⁵ Аникевич М.В. Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между средним и верхним палеолитом // *Stratum plus*. № 1. 2001 — 2002. С. 266 — 290

⁶ Anikovich M., Sinitsyn A., Hoffecker J., Holliday V., Popov V., Lisitsyn S., Forman S., Levkovskaya G., Pospelova G., Kuz'mina I., Burova N., Goldberg P., Macphail R., Giaccio B., Praslov N. Early Upper Paleolithic in Eastern Europe and Implications for the Dispersal of Modern Humans // *Science*, 12 January 2007.

западной литературе подобные женские фигурки рожениц с широкими бедрами принято называть палеолитическими *Венерами*, российский антрополог А.А. Тюняев называет их по имени древнеславянской богини рода *Макошь*, так как по исследованиям академика Б.А. Рыбакова этот языческий культ уходит корнями как раз в мустьерский период (Северский Донец, Красный Яр, 100 — 50 тыс. лет до н.э.). В самом деле, религиозное значение слова «макошь» или «мокошь» прослеживается не только в культуре праславян. На санскрите «*makha*» означает щедрое «жертвоприношение», а слово «*toksa*» = «мокша» означает буквально «выбрасывание», «избавление» от бремени. Именно от этого корня образовано слово «*tikti*» в значении *освобожденного* состояния сознания и окончательного спасения — ключевое понятие индуизма и всей ведической культуры, восходящее к архаичным языческим обрядам, а в *топонимии* русского языка связанное в самом прямом смысле с «муками» рождения.

Так как физиологические особенности фенотипа *Лилит* не исчезли окончательно из генома человека и на протяжении всего каменного века давали о себе знать в результате рекомбинации генов ДНК, то не удивительно, что в племенных группах, имевших, где бы они ни находились, отчетливые признаки матриархального устройства, не наблюдалось стабильного прироста популяции. Конечно, высокую смертность в те отдаленные времена можно объяснить множеством разных причин, но вынашиваемость плода была, несомненно, главным фактором, повлиявшим на закрепление женского фенотипа и митохондриальных ДНК, тогда как на закрепление мужских гаплогрупп влияли в основном внешние факторы, связанные с междоусобными конфликтами и миграцией племен.

Вообще необходимо заметить, что для выживания древнему человеку приходилось постоянно тренировать наблюдательность и память, он умел хорошо ориентироваться на больших расстояниях, обладал потрясающей интуицией, высоким мастерством и смекалкой, без которых невозможно представить охоту на мамонтов и крупных животных плейстоцена. Внедренный в массовое сознание стереотип о «*доисторических человеко-обезьянах*» Чарльза Доусона и примитивных охотниках-собирающих, едва прикрытых шкурами в условиях зимы ледникового периода, не соответствует исторической действительности.

Рис. 9. Изображение девочки в меховой одежде (резьба на кости мамонта, верхний палеолит) и реконструкция останков из Сунгирских захоронений с элементами одежды (30 тыс. лет до н.э.)

Ведь уже предки Сунгирского человека (река Клязьма, около 30 тыс. лет до н.э.) носили меховую обувь, выпрямляли бивни мамонта для изготовления дротиков, вырезали

ритуальные украшения, среди которых была найдена подвеска, изображающая лошадь, расшивали кожаную одежду тысячами бусин из мамонтовой кости, что само по себе подразумевает не только владение многими видами ремесел, но и развитое воображение, существование богатого внутреннего мира, сакральных знаний. Что касается параметров объема мозга, то у людей ледникового периода, живших десятки тысяч лет тому назад, они даже превышали средние показатели современного человека, ведущего малоподвижный образ жизни, так как, пространственно-двигательная активность и духовно-эмоциональное состояние человека имеют прямую нейрофизиологическую связь, на что обращал особое внимание Л.С. Выготский.⁷ Тонкая моторика пальцев рук, вестибулярная способность удерживать тело в равновесии при нагрузках на различные группы мышц, быстрота и координация движений, — все эти показатели стимулируют дивергентную креативность сознания.⁸

Выжить вблизи ледников без традиций духовности, без соответствующей суровым условиям материальной культуры, лишь пассивно следуя за стадами мамонтов и оленей (а именно так зачастую описывается образ жизни верхнепалеолитических племен), было бы просто невозможно. Древний человек перемещался не только на просторах Евразии, охваченной льдами, он также осваивал и внутреннее *сакрально-языковое* пространство, перемещался в сновидениях в загадочные миры, где мог общаться с духами предков и тотемных животных, он наблюдал за движением звезд и передавал накопленный опыт из поколения в поколение в виде устойчивых мифологем. Хотя археология давно обладает неопровержимыми данными о палеолитических культурах, локализованных вдоль линий Омского, Днепровского, Московского и Валдайского оледенений, европейская наука не признает их *историчность*, чтобы не нарушать классическую парадигму распространения культур исключительно с юга на север.

Классическая теория зарождения всех человеческих цивилизаций связывает их появление с оседлостью и опытом земледелия, но человек палеолита, как показывает строительство стоянок, не был только кочевником. Ему необходимы были витамины, содержащиеся в растительной пище, поэтому почти невозможно поверить, что владея топором, техникой обработки бивней мамонта, позволяющей получать тонкие иглы для пошива одежды, никто десятки тысяч лет не мог догадаться пересадить кусты лесных ягод, корнеплодов, лекарственных трав ближе к жилищам, где женщины растли детей. Разумеется, любой вид земледелия подразумевает наличие особых орудий труда, которых археологи нигде не находят, потому что самыми первыми орудиями земледелия на севере были не мотыги и «палки-копалки», как пишут в популярной литературе, а рога крупных животных.

Так, русское слово «соха» = «плуг» образовано от слова, обозначающего рога лося, то есть именно большие, массивные рога «сохатого» самца. Изобретение такого «плуга» восходит к самым архаичным культурам палеолита и мезолита, когда наконечники копий тоже изготавливались отнюдь не из бронзы, а из расщепленных костей убитых животных. Об этом древнейшем периоде красноречиво свидетельствуют санскритские слова с общим корнем $\sqrt{\text{çak}}$ или близкими к нему корнями $\sqrt{\text{sak}} = \sqrt{\text{sah}}$, обозначающие с точки зрения современного человека совершенно разные по смыслу понятия.

⁷ Выготский Л.С. Психология. М., 2000.

⁸ Березина Т.Н. О взаимодействии физических и интеллектуальных способностей // Психологические исследования. Изд. «Нота-Бене».

« <i>çākhā</i> » = «сук, ветвь», «расхождение»;	« <i>sakṣani</i> » = «связанный», «объединенный»;
« <i>çāka-vāṭa</i> » = «огород»;	« <i>sakaṣa</i> » = «однокашник», «сосед»;
« <i>çāka</i> », « <i>çaka</i> » = «овощи, зелень»;	« <i>sakhi</i> » = «свояк», «друг»;
« <i>çāka</i> », « <i>çaka</i> » = «племена скифов»;	« <i>saha</i> » = «вместе», «совместно»;
« <i>çakala</i> » = «щепка», «осколок»;	« <i>sahana</i> » = «преодоление»;
« <i>çakatika</i> » = «телега»;	« <i>saha-kāra</i> » = «содействие», «согласие»;
« <i>çākvara</i> », « <i>çakvara</i> » = «тягловый бык»;	« <i>sahas</i> », « <i>sahasya</i> » = «зимний месяц»;
« <i>çakti</i> » = «сила», «творческая энергия»,	« <i>sahasra</i> » = «множество», «тысяча»
«копье», «дротик»;	<i>и т.д.</i>

Рис. 10. Санскритские слова с корнем $\sqrt{\text{çak}}$ и близкими корнями $\sqrt{\text{sak}} = \sqrt{\text{sah}}$

Поскольку объединять в себе множество ветвей, взрыхлять землю и пронзать врага (*ворога*) способны именно *рога* оленя либо лося, которые были и остаются в наши дни основными промысловыми животными лесотундры и тайги, то северное происхождение санскритского корня $\sqrt{\text{çak}}$ и его архаичное протоиндоевропейское значение «*ветвистые рога*» не вызывает сомнений. Культ оленя был одним из наиболее распространенных в культурах палеолита и мезолита, о чем свидетельствует недавно обнаруженный на Урале многокилометровый геоглиф, изображающий тотем лося. Вопреки распространенному мнению о позднем заселении Сибири, археологические находки второй половины XX века доказали, что районы Забайкалья, Восточная и Западная Сибирь для ледникового периода были достаточно плотно населенными областями, причем тотем оленя сохранился в Забайкалье до эпохи бронзы, поскольку его продолжали высекать на «*оленных*» камнях плиточных захоронений I — II тыс. до н. э.

Кстати говоря, родовое имя основателя буддизма *Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни Будды* (царевича из рода *Шакьев*), если переводить название рода *Шакьев* дословно, как его понимали в древности, означает буквально из рода *Скифов*, а сам этноним «*скиф*» по причине отсутствия в греческом языке звуков «*ш*» и «*в*» и есть искаженное самоназвание народа «*шакьив*» или «*шакьев*». В самой Индии род *Шакьев*, в котором воплотился *Будда*, связывается с одной из аватар Индры — с божеством нижних небес *Сакка*. Как известно из греческих источников, скифы считались древнейшим народом, состоявшим из земледельческих общин и «*царских скифов*» (кочующих воинов), обитавших севернее Колхиды в Причерноморье. Дошедшие до нас имена скифской знати были родственны древнеиранским, что отмечалось практически всеми исследователями, например, еще В.И. Абаев приводил свой перевод имени скифского вождя *Таξαχς* в значении «*tak-saka*» = «*быстрый олень*» и говорил о том, что «*saka*» было самоназванием скифов.⁹

Другим, не менее архаичным и почти мифическим народом, древние греки считали гипербореев. По преданиям гиперборейский жрец *Олень* возвел из рогов лани самый первый Дельфийский храм в честь *Аполлона*, брата-близнеца богини охоты *Артемиды* и сына богини дельфийского календаря, кочующей по свету *Лето*, дочери титана *Коя* (*Кия*), главным атрибутом которой являлся образ *репы*. Нет особой надобности объяснять, какое значение данный корнеплод имел для северной земледельческой культуры праславян, но, пожалуй, самое любопытное в том, что топоним *Рифейские горы*, за которыми эллины помещали очаг гиперборейской цивилизации, куда каждый год улетал «*опалающий бог*» *Аполлон*, и означает собственно «*репейские*» горы, то есть возвышенность, напоминающую

⁹ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Москва-Ленинград, 1949. С.37

рену. Такое толкование непонятого эллинам северного топонима *Рифейские горы* можно восстановить по древнерусской сказке, сохранившей после крещения Руси важный для языческого сознания архетип: «Посадил дед ренку, выросла ренка большая-пребольшая». Насколько большой была та сказочная «ренка», чтобы ее тянули-тянули и никак не могли вытянуть мифические персонажи, мы теперь можем только догадываться, но, поскольку для мифов характерны преувеличения, в оригинальном языческом сказании мифическая *Рена* сопоставлялась, вероятнее всего, именно с большой горой.

Если взглянуть, как расселялись *скифы-шаки* в античные времена, то легко обнаружить, что они занимали тот же ареал, где жили палеолитические Сунгирцы, названные греками «гиперборейцами», а именно — между Днепром, Доном (Танаисом) и Волгой (Раа), где протекает река *Тула = Thule*, обозначенная в «Географии» Страбона самой северной точкой исследованной греками ойкумены. Ровно тот же самый ареал был свободным от ледников в периоды наиболее значительных оледенений, Днепровского и Валдайского, а смешанный состав *У-гаплогрупп* этнической общности русов (около 20% Сунгирской группы «I» и около 50% индо-арийской группы «R»), позволяет говорить о том, что древнеславянский этнос и есть результат окончательного слияния тех самых гипербореев со скифами, что делает вполне уместным термин «индославы», которое Рахул Санкритьян в книге «От Волги до Ганги» обобщил на все протоиндоевропейские культуры (1953).¹⁰

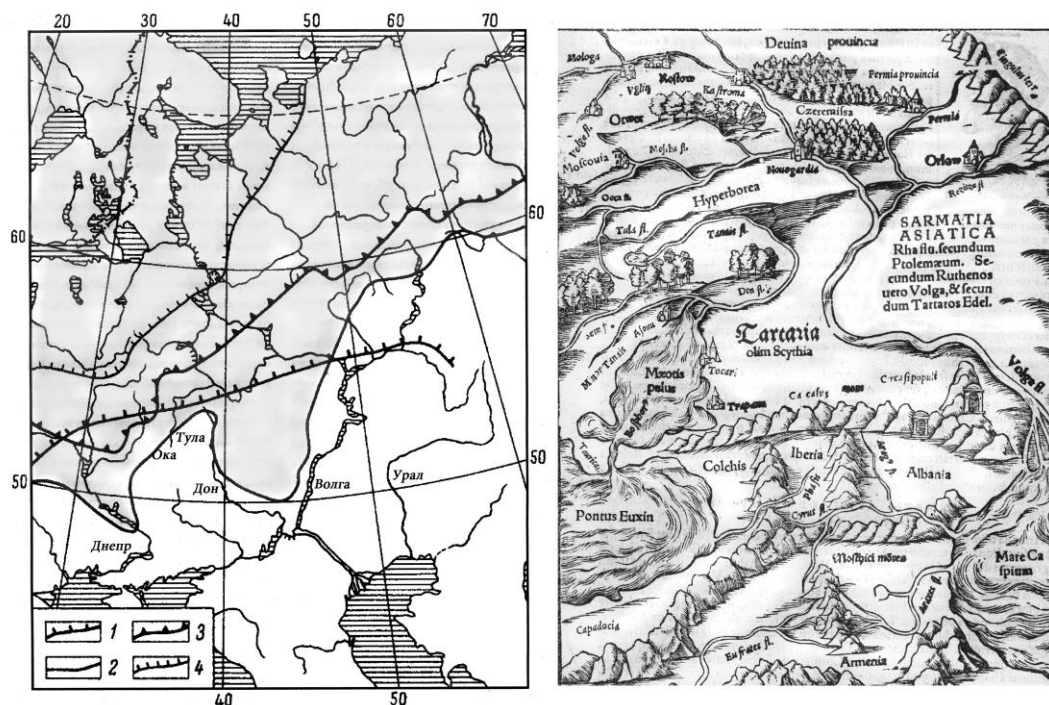

Рис. 11. Границы плейстоценовых оледенений (по А.А. Величко):
 1 — Омское, 2 — Днепровское, 3 — Московское, 4 — Валдайское,
 а также карта из «Всеобщей Космографии» Себастьяна Мюнстера (1550),
 где область между Тулой, Доном и Волгой обозначена как «Hyperborea».

Можно понять негодование большинства ученых, которые с ужасом для европейской историографии наблюдают за стихийными поисками Гипербореи, авестийской Арьяна-Вэйджи и даже затонувшей Атлантиды на Русском Севере, но парадокс в том, что вина за

¹⁰ Гусева Н.Р. Русский Север — прародина индославо. М., 2010. С.10

эту крайне странную ситуацию лежит, в том числе, на самой науке, которая изначально была враждебно настроена к преданиям, игнорируя их архаичные истоки, приложив все усилия для «*тотальной зачистки*» сознания новоевропейского человека от всех пластов «*донаучной*» культуры. В таких случаях в истории науки всегда возникает своеобразный эффект возвратившегося бумеранга, когда бескомпромиссная и самоотверженная борьба с вненаучным наследием, языческими верованиями, мифами и народными суевериями в конце концов наносит существенный урон самой науке, которая не способна собрать собственноручно разрушенные культурно-языковые и ментальные связи, чтобы создать достаточно целостную картину отдаленного прошлого, потому что только *целостность* и может претендовать на ту или иную *достоверность*, без чего невозможна историческая наука и без чего становится невозможным само существование цивилизации.

Как раз осознание важности древнейшей истории для непрерывного развития человеческой цивилизации всегда побуждало энтузиастов самостоятельно, не дожидаясь от кого бы то ни было разрешения, собирать и сравнивать сведения из разных источников, относящиеся к «*доисторическим*» временам.

Американский востоковед Уильям Уоррен, президент Бостонского университета, был одним из первых, кто стал рассматривать сакральные тексты в качестве искаженных, но все-таки исторических данных. Разобрав множество мифов из самых различных культур, он заявил о наличии в них следов влияния цивилизации, зародившейся вблизи Северного полюса, опубликовав результаты своих многолетних исследований в книге «Найденный рай» (1885). В этом ключе он трактовал, например, строки Библии с описанием четырех рек Парадиса, а также библейские слова «*И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их. И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло*» (Быт, 3, 21-22). Действительно, если одежда из кожи впервые появляется в Эдемском саду, то дальнейшее повествование можно понимать как начало миграции, связанной с глобальным изменением климата. Еще больше элементов архаики содержат во многом сходные Ассирийско-Ханаанские и Вавилонские мифологемы, в которых говорилось о том, что потоп был вызван повышением уровня вод мирового океана, а первочеловек, вкусивший плод от дерева познания, изображался не только в окружении жены и змия, но имел на голове, ко всему прочему, *рога* тотемного животного.¹¹

В древнеиранском священном писании Авеста первопредок Йима также описывается покидающим прекрасную страну Арьянам-Вэйджу, в которую приходят холодные зимы со смертоносным морозом. Такие авестийские песнопения (*гаты* или *гимы*), восходящие к мифологии, существовавшей задолго до распространения учения Заратуштры (около II тыс. до н.э.), заслуживают пристального внимания, так как в них сохранились топонимы и гидронимы сакральной географии из эпохи, когда ираноязычные и ведические племена не просто соседствовали, но расселялись на одной территории, то есть до их разделения на две враждующие этнические группы.

Таким образом, в отличие от ведических рек Синдху и Ганги или ближневосточных Тигра и Евфрата, в текстах Авесты говорится о мифологических реках *Ардвисуре*, *Датиин* и *Ранху*, расположение которых не имеет определенных привязок. Известно только, что *Ардвисура* вытекала из Арьянам-Вэйджи, спускаясь, как поется в Авесте, с самого неба

¹¹ Рыбинский В.П. Вавилон и Библия (по поводу речи Ф. Делича на тему «Babel und Bibel»). Киев, 1903. С.119

или с горы *Хукарья*, и впадала в море *Ворукаша*, что ей поклонялись не только предки персов, но и вообще все окружающие их племена. Вторая река *Датия* омывала Арьянам-Вэйджу, а река *Ранха* ассоциировалась с *Ардвисурой* по широте и расположению, но не спускалась с неба, то есть — имела другой исток. Некоторые исследователи зороастризма связывали *Ардвисуру* с Амударьей, то есть с доподлинно известными местами расселения ираноязычных племен в Средней Азии, однако эта версия никак не согласуется с исходом первопредка Йимы из Арьяна-Вэйджи, ставшей непригодной для обитания вследствие лютых морозов.

Поэтому индолог Наталья Романовна Гусева, ссылаясь на то, что само слово «ардвиг» можно понимать как «раздвоение» (санскр. «ardha» = «половина»),¹² то есть буквально «ara» + «dvi» = «двойная излучина», сделала смелое предположение, что под мифической рекой *Ардвисурой* можно понимать реку *Обь*, имеющую как раз два русла при впадении в Обскую губу, а затем в Карское море и Северный Ледовитый океан. Однако, несмотря на весомые доводы Натальи Романовны, отождествление *Ардвисуры* с рекой *Обь* означает, что Арьяна-Вэйджа должна была находиться в горах Алтая, откуда берут начало истоки *Оби* — реки Бия и Катунь. Другими словами, опять же возникает противоречие с мифом о покинутой Йимой северной стране Арьяна-Вэйдже.

Вместе с тем, нельзя игнорировать тот факт, что со времен античности, когда у греков были непосредственные контакты со скифами Причерноморья и возможность ознакомления с их преданиями и обычаями, Северный Ледовитый океан назывался *Скифейским океаном*, что тоже никак не согласуется с обитанием исторических скифов в Причерноморье. Зато это согласуется с гипотезой Натальи Романовны Гусевой, отождествившей *Ардвисуру* с рекой *Обь*, которая как раз впадает в *Скифейский океан* через Карское море (оно же море *Ворукаша*). Но где в таком случае следует искать допотопную страну Арьянам-Вэйджи? Где находилась мифическая гора *Хукарья* («ху» + «кара» = «жертвоприношение»)? Ответ — там же, где располагался очаг гиперборейской цивилизации, за *Рифейскими горами*.

Как известно, средневековые карты Европы, мягко говоря, не блещут географической точностью, потому что составители атласов были вынуждены опираться на косвенные данные, порой, даже мифы, чтобы изобразить малоизученные страны. Например, тот же Герард Меркатор изобразил в своем «Космографическом атласе» (1595) несуществующий континент Арктида, в центре которого, именно в точке Северного полюса, якобы стоит легендарная гора, выступающая своеобразным «центром мира». По всей вероятности, эти сведения Меркатор почерпнул из арабских источников, которые, в свою очередь, могли перенять данное представление из утраченных навсегда свитков Александрийской библиотеки, из преданий скифов или персов-зороастрийцев. Разумеется, никакой горы в Арктике нет, хотя, передвигаясь по вечным льдам, действительно, можно принять снежную пустыню за континент.

Однако как раз благодаря тому, что Меркатор для составления своего знаменитого атласа использовал все доступные ему источники и древние легенды, по правому берегу реки *Обь* мы обнаруживаем у него сказочное *Лукоморье*, о котором А.С. Пушкину поведала его няня Арина Родионовна, коренная уроженка Русского Севера, а по левому берегу, чуть южнее *Лукоморья*, возникает река *Артавиша* (*Artawischa*), сливающаяся с руслом *Оби* и как бы впадающая в Обскую губу, выходящую в то же Карское море (*Ворукаша*).

¹² Гусева Н.Р. Русский Север — прародина индославов. М., 2010. С.52

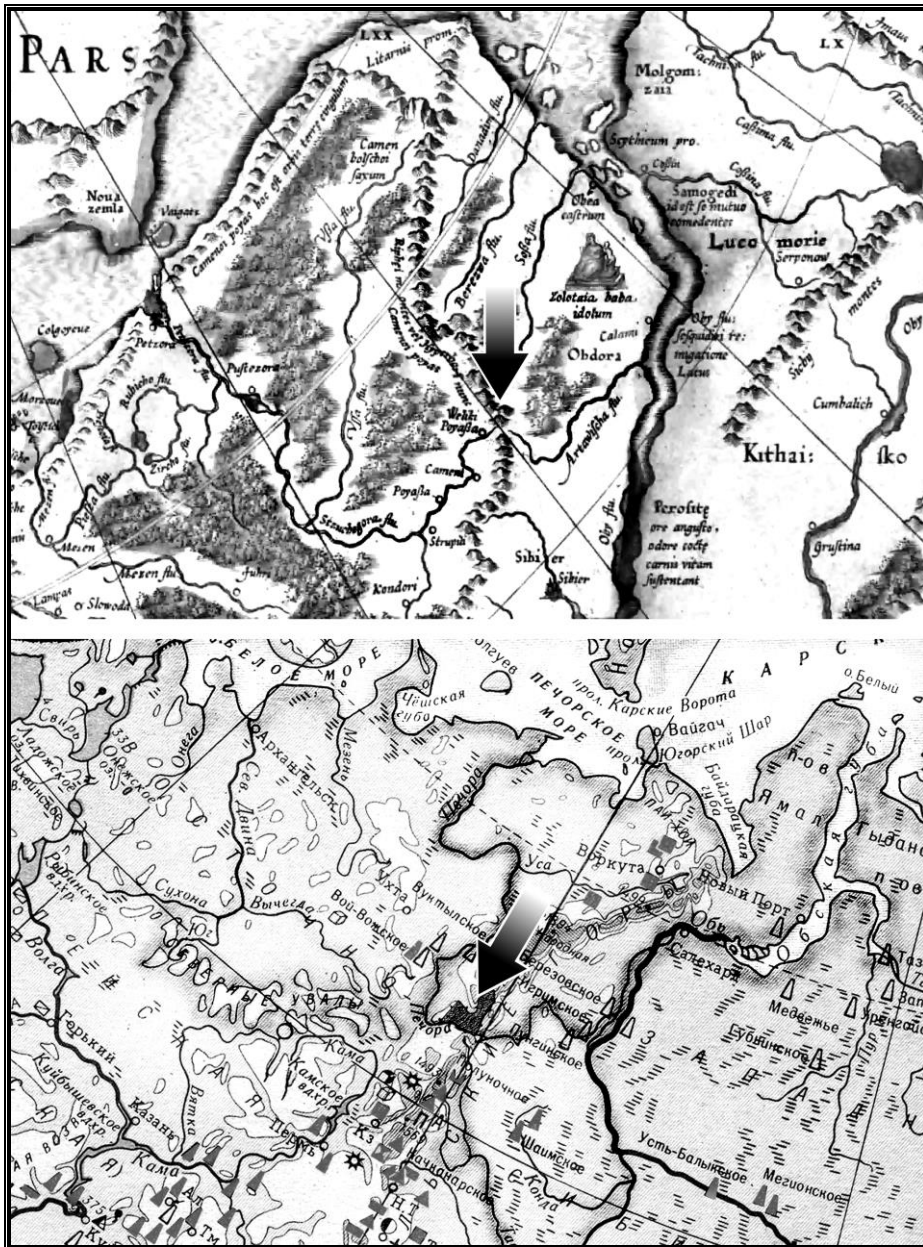

Рис. 12. Северный Урал из «Космографического атласа» Герарда Меркатора (1595) и современная карта, где стрелками обозначена возвышенность, с которой на восток уходит приток Оби Сев. Сосьва (*Artawischa*), а на запад и север стекает Печора, огибая территории нынешнего Печеро-Ильчского заповедника и плато идолов Манпупунер

Географические неточности карты Меркатора, конечно же, затрудняют восприятие и определение точного места за Каменным поясом (Северными увалами), где он, вслед за греками, помещает «Рифейские горы, они же теперь Гиперборейские», однако верховья Печоры позволяют с большой долей достоверности утверждать, что очаг той древней «гиперборейской» цивилизации располагался вблизи плато Манпупунер, где до сих пор можно увидеть монументальные изваяния природы — семь каменных идолов или, по-мансийски, «пупов». Один из этих «пупов» выделяется неправильной формой, заостряясь книзу и напоминая гигантский корнеплод, который пытаются как бы «вытянуть» остальные камни, что повторяет мотив предания о титаниде *Лето* и большой «репке», растущей на *Рупейских горах*. На столь архаичную связь протоиндоевропейского корня \sqrt{rp} с «горой» и «земледелием» указывают, например, др.-инд. «*gṛ*» = «гора» и «*goraka*» = «сеятель».

Тот же мотив прослеживается в древнеиндийской мифологии, рассказывающей о том, как ведические боги *Адитьи* и демоны *Дайтьи* (сыновья *Дану*) обвили змея *Васуки* вокруг горы *Мандары*, заостренной книзу в виде мутовки, и стали пахтать воды молочного океана, чтобы добыть с его дна напиток бессмертия *Амриту*. В подобных мифологемах, которые передавались устно в виде былин до составления Вед, отражались, несомненно, жизненно важные наблюдения, необходимые палеолитическим племенам охотников для ориентирования. Они закреплялись в ранней языковой культуре так прочно, что могли исчезнуть потом лишь вместе с исчезновением самого языка и народа, сохраняясь тысячи лет в качестве мифопоэтических образов и космогонических архетипов, изначальная казуальность возникновения которых терялась в глубинах веков по мере переселения племен в более южные широты.

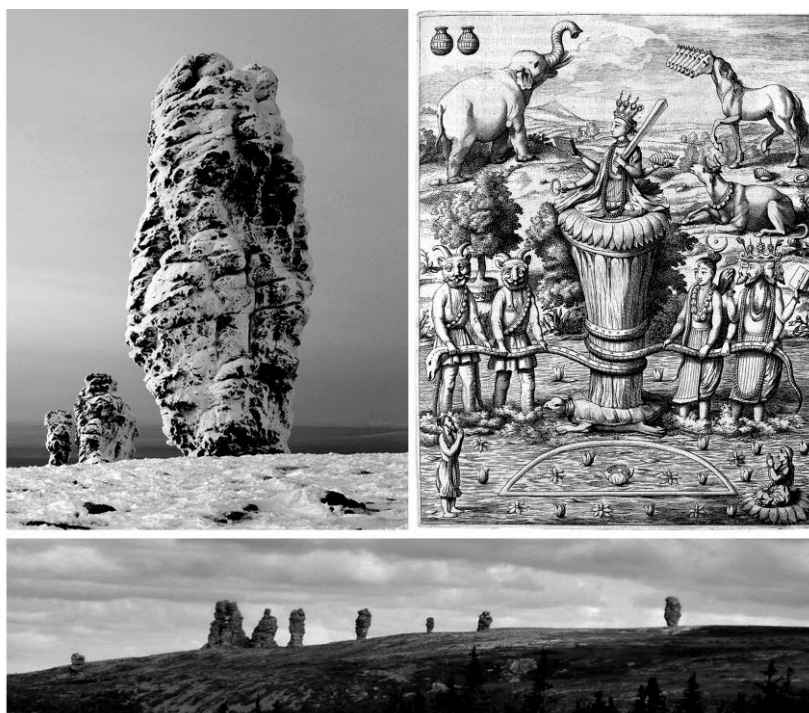

Рис. 13. Плато Манпунер, перевернутый книзу «лун Земли» и мировая гора-мутовка *Мандара*, стоящая на черепахе, с помощью которой, согласно Вушну-пуране, пахтался океан причинности

Развернутое изучение ведических текстов в их связи с астрономическими явлениями впервые осуществил индийский брамин Локаманья Бал Гангадхар Тилак. В своей первой книге «Орион, или Исследование древности Вед» (1893) он доказал, что описанное в Ведах созвездие Орион (Мрига), с которым соотносится дата весеннего равноденствия, соответствует положению, в котором это созвездие находилось около 4500 года до н.э., тогда как в европейской историографии время составления Вед часто ограничивали 2400 годом до н.э. Во второй книге «Арктическая родина в Ведах» (1903) Тилак продолжил сравнение текстов Ригведы, Самхит, Пуран с данными астрономии, сделав ряд замечаний в пользу северной палеолитической прародины. Но, в отличие от Уильяма Уоррена, он не говорил про цивилизацию, расположенную на Северном полюсе, где полярные «дни и ночи богов» длятся по полгода, а указывал на существование культуры в Приполярье, где можно наблюдать те же северные сияния и семь солнечных месяцев (сыновья *Адитьи*), и затяжные зори (*Ушас*), и зимнее восхождение солнца (*Сурья*) на юге.

Но любознательный читатель может, конечно, сам ознакомиться с книгой Тилака,¹³ заметим только, что с северными обрядами связана не только этимология санскритских слов «уттара» = «север» = «верх» или «дакшина» = «юг» = «правая десница», «йуга» = «переход» = «разделение времен», но и слова русского языка «утро», «заря», «юг» и т.д. Что касается авестийской богини *Ардвисура* (т.е. «река Ардвиг»), то старинный гидроним *Артавиша* мог сохранить ираноязычное название «Ардвиг» = «Артави». Тогда рекой *Ранха* с островами вдоль широких устьев,¹⁴ окажется река *Обь*, впадающая в *Скифийский океан*, а таинственной рекой *Датией*, омывающей Арьяна-Вэйджу, окажется *Печора*, огибающая с юга Печеро-Ильчский заповедник.

Причем самым существенным признаком, допускающим такое толкование, является «небесное» происхождение *Ардвисуры*, ведь семь изваяний на плато Манпупунер, над которыми в зените ночного неба можно увидеть семь ярких звезд Большой Медведицы, вызывает неизгладимое впечатление особой связи космоса с этим местом. В ведической традиции звезды Большой Медведицы считались воплощением семи мудрецов *риши*, сыновей бога-творца *Брахма*. Священная река *Ганга*, на которую были перенесены черты исчезнувшей реки *Сарасвати*, согласно мифу, тоже стекает с неба на мифической горе *Меру*, расположенной на острове *Джамбудвипа* с растущим на нем волшебным деревом *Джамбу*. Одним из имен ведического водного бога *Варуны*, от которого можно произвести авестийское «изрезанное» море *Ворукаша*, был эпитет *Джамбука*, дословно «деревянный», созданный из дерева *Джамбу* для поддержания космического порядка (*Рта*, *Ар-ти*).

Подобных параллелей между различными мифами, северными сказками о *Лукоморье*, где *Дуб зеленый* и *тридцать три* богатыря по числу ведических богов, о сакральной горе *Хавор* (*Хвангур*, *Харгор*) в «Голубиной книге» и авестийской горе *Хараити* можно найти сколько угодно. Но историку важны материальные свидетельства существования архаичных цивилизаций на Урале, и такие свидетельства есть, как бы о них ни пытались умолчать. Так, если спускаться из районов плато Манпупунер в южном направлении по притокам *Тавды* в *Тобол-Туру-Тагил* либо через *Вишеру-Каму-Чусовую*, мы попадем в торфяники близ города *Калата* (Кировград), где в 1890 году был найден пятиметровый *Шигирский идол* — древнейшее в мире изваяние божества из дерева.

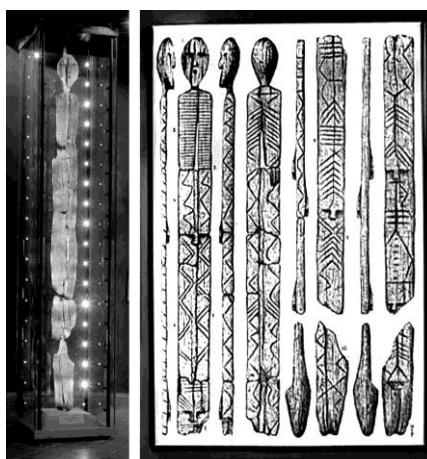

Рис. 14. Шигирский идол, на теле которого вырезаны семь ликов и обрядовые зарубки в виде «цепочной схемы» (9,5 тыс. лет до н.э.)

¹³ Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. М., 2001.

¹⁴ Авеста. Избранные гимны из Видев дата / Перев. И. Стеблин-Каменского. М., 1993. С.41

Более сотни лет не утихали споры по поводу датировки этого артефакта, который своими семью ликами живо напомнил археологам о шумерском календаре (4 тыс. лет до н.э.), и только в 2014 году германским специалистам Уве Хойснеру и Томасу Тербергеру, наконец-то, удалось установить наиболее вероятное время создания *Шигирского идола*, стоявшего на Урале, как оказалось, уже 11 тысяч лет тому назад, на тысячи лет раньше цивилизаций Шумера, Хараппы, Мохенджо Даро, Древнего Египта и Вавилона.

При ближайшем рассмотрении российские ученые обнаружили на теле идола еще один, восьмой лик, после чего сразу отвергли версию, что изваяние представляет собой календарь, аналогичный шумерскому. Но, если бы те же ученые хоть немного проявляли интерес к Ригведе и прочли бы «антинаучную» книгу Тилака, они бы, несомненно, знали, что, помимо семи светлых месяцев Девааны, в ведическом календаре был еще и восьмой сын *Адити*, месяц *Мартанда*, о котором в Ригведе сказано (X, 72): «*Восьмеро сыновей у Адити, которые рождены из (ее) тела. С семерыми она присоединилась к богам, а Мартанду отбросила прочь*».¹⁵ В том же гимне, между прочим, сказано, что стороны света и земля родились от перевернутого вверх ногами существа, выплавленного среди первого поколения богов творцом *Брахманаспати*.

Несмотря на предсказуемое стремление «официальной науки» всячески отмежеваться от мифов о «гиперборее», «лукоморье», «арьяна-вэйдже», «джамбудвипе» и т.д., от любых культур, позволявших протоиндоевропейским племенам десятки тысяч лет выживать в северных широтах в доледниковый период, а затем и на границе ледника, развивая язык, пользуясь астрономическими наблюдениями и календарем, никто из ученых не станет отрицать того факта, что племена индейцев переселились в Северную и Южную Америку как раз из Восточной Сибири и Забайкалья порядка 30 тыс. лет назад.

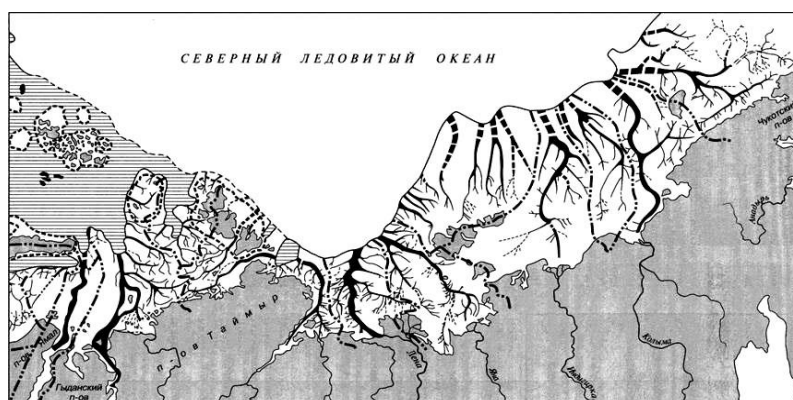

Рис. 15. Реконструкция долин сибирских рек на арктических шельфах в период позднего плейстоцена (по А. Н. Ласточкину и Б. Г. Федорову)

К таким выводам пришли палеогенетики, геологи и палеоклиматологи, поскольку значительная часть материкового шельфа на севере Евразии в период плейстоцена была свободна от морской воды и представляла собой сушу. Иначе говоря, Евразию и Аляску соединял вовсе не узкий Берингов пролив, но огромная территория, достигающая широт Северной Земли и Земли Франца-Иосифа, о чем свидетельствует изучение морского дна, на котором видны русла рек *Колымы*, *Индигирки*, *Лены*, *Оби* и *Печоры*, уходящие вглубь океана на многие сотни километров.

¹⁵ Ригведа. Мандалы XI – X. М., 1999. С.208

Все эти полученные строго научными методами данные о продвижении коренного населения Америки через Приполярные области отчасти подтверждаются преданиями ацтеков, которые сохранили память о том, что они пришли в Центральную Америку из страны *Астлан*, откуда их вывел бог *Тескатлипока*, одна из древних ипостасей которого могла иметь отношение к катастрофическому погружению шельфа под воду.

Топоним «*Астлан*» мифической страны ацтеков, которую зачастую ассоциируют с легендарной *Атлантидой*, затонувшей около 20 тыс. лет назад, переводится как «*страна цапель*» или «*страна журавлей*». Но для русского человека слово «*аст*» ближе к слову «*аист*», который отличается от цапель и журавлей, прежде всего, белым оперением. В связи с чем любопытно отметить, что белые журавли (стерхи) гнездятся исключительно в болотах тундры вдоль низовьев *Индикирки*. Таким образом, в мифах и самоназвании народа «*ацтеки*» = «*из страны аистов*» вполне могли сохраниться воспоминания о пути их переселения в период плейстоцена.

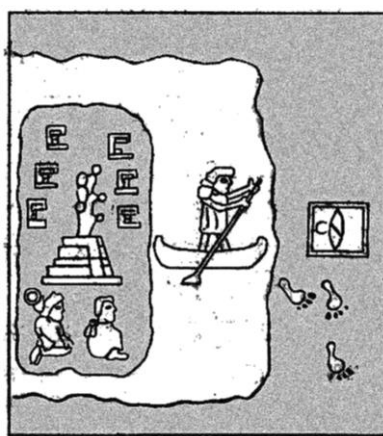

Рис. 16. Наскальное изображение мифической страны Астлан, покинутой предками ацтеков (The Hutchinson Dictionary of World Myth, 1995; Словарь мифов под ред. П. Бенгли. М., 1999)

Можно по-разному относиться к этнографическим исследованиям в области сакральной географии, к поискам первородины человечества на Русском Севере, в Тибете, Гималаях, на плато Армянского нагорья, в Африке, в долинах рек Тигра и Евфрата, Амударьи и Сырдарьи, в затонувшей Атлантиде. В любом месте и среди мерцающих звезд на небе, которые видел древний человек, найдется океан, река, гора, дерево, архетип космического яйца. Но эти поиски отнюдь не бессмысленны, как полагает подавляющее большинство ученых. Они указывают на то, что разнообразие культур развивалось из речевого ядра, потенциально содержащего в себе все возможные значения смысловых комбинаций. И эта изначальная семантическая структура языка так же связана с развитием ментального пространства сознания, с этническими общностями и эволюцией всего человечества, как азотистые основания ДНК и аминокислоты связаны с цитоплазмой живой клетки, с телом организма, с окружающей его средой, с флорой и фауной, с околоземным и космическим пространством.

В сознании человека поэтому и в самой возможности установления нейронами мозга новых связей в зависимости от направлений мысли сокрыта тайна квантовых состояний и загадка происхождения жизни, да и всей Вселенной. Об этом загадочном свойстве разума к упорядочению пространства-времени человек задумывался всегда — он всегда ощущал родство разума с космическим пространством и микрокосмом. По этому поводу Николай Гартман в «Философии природы» (1950) писал следующее: «Самое замечательное и в

известной мере действительно парадоксальное в пространстве созерцания то, что оно является **пространством** в созерцании, в то время как само сознание со всеми содержаниями непространственно. Представления — не суть в пространстве, но в представлениях есть пространство». ¹⁶ Это пространство внутри представлений задано отношениями или *расстояниями* между смысловыми значениями слов в *топономии* языка. Не столь важно, какой язык возник раньше или позже — об эту этимологическую проблему уже было сломано немало копий — суть в том, что все смысловые значения находятся во взаимосвязи и обогащают друг друга, создают те или иные представления не случайным образом, а в соответствии с определенной семантической структурой.

Если вы чувствуете связь между санскритским словом «*ваю*» и русским «*вею*», то эта смысловая связь уже наличествует в вашем сознании, независимо от того, принимают эту связь другие или нет. В результате обнаружения этой связи в вашем сознании не просто сближаются отношения между «*ваю*» и «*вею*», сближаются другие понятия, сжимается пространство-время сознания, обнажая причинно-следственные связи, которые прежде были скрыты: «*vāta*» = «*ветер*» ↔ «*vā*» = «*витья, ткать*» ↔ «*vāṇa*» = «*ветка, лес*» ↔ «*vivart*» = «*развитие, развертывание*» и т.д. Появляются связи, которые встраиваются в широкий контекст волновых колебаний: «*vāṇi*» = «*звучание*» ↔ «*vāṣaṇa*» = «*речь*», а ведь *речь* — это уже *река, слово, слияние*... и множество других смыслов, которые могли до этого восприниматься лишь как дискретные понятия с разными корнями, несвязанными с единым ментальным ядром языка.

В период возникновения языков связь между окружающим пространством и внутренним пространством сознания не просто была сильнее, во времена господства живой речи между ними не ощущалось никаких различий, как не ощущается различий, например, между внешней и внутренней стороной на ленте Мебиуса или бутылке Клейна. Пытаясь установить дискретные казуальные связи между внешней пространственно-временной реальностью и внутренним пространством сознания через язык, мышление, нейроны полушарий мозга и генетику, мы обнаруживаем не линейный механический «*аппарат мышления*»: внешняя работа → внутренняя работа → внешняя работа, а единый поток одновременно связанной реальности, когда все внутренние состояния уже обусловлены совокупностью внешних событий, которые в той же степени обусловлены возможностями внутренних состояний.

Такая система одновременной обусловленности известна в физике как «*запутанные квантовые состояния*», она не является механической системой, равно как все живое не является *механизмом*. В ее основе лежат непрерывные свойства пространства-времени, а не дискретные состояния, анализируемые нами как «*внешние*» или «*внутренние*» сигналы — это всего лишь точки на двух сторонах ленты, которую мы не видим полностью. Но если бы мы охватили вниманием всю «*ленту Мебиуса*», то из *мнимого* пространства сознания мы бы смогли непрерывно перейти в *действительное* пространство-время, а из *действительной* точки попали бы в область *мнимого* пространства. Причинность в таком движении осуществляется не по механическому закону финитных систем, а по закону латентного порядка, скрытого от непосредственного наблюдения. Иначе говоря, вместо *механической* причинно-следственной связи в одновременно связанной реальности действует *дхармический* закон непрерывной *вложенности* континуума.

¹⁶ Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С.227

Поэтому для связанного состояния сознания, характерного для архаичного мышления и языка, большую роль играли естественные «подсказки» природы и окружающие человека осязаемые объекты. Одушевление природы происходило не столько оттого, что человек был неопытен и глуп, сколько потому, что сама природа и эволюция жизни представляет собой некоторую открытую гностическую систему.

Если тектоническая плита Северного Урала имеет геологический возраст, соотносимый с *протерозоем*, то место, с которого началось освоение биологическими организмами суши, вполне могло оказаться и местом зарождения архаичных культур, а камни на плато Манпупунер — выступить естественной «*обсерваторией*» древнего человека, отправным пунктом для наблюдений за звездным небом, что придало мощный импульс для эволюции отвлеченного мышления и *праязыка* многих палеолитических племен — того самого Древа познания, открывшего путь к *Истине*, но и научившего человека обману, используя, как заметил Павел Флоренский, весьма сходный антиномийный принцип *Лжи*.

После чего, по тем же законам *дхармической* причинности, последовала неизбежная кара в виде культурно-языкового разобщения племен и развязывания войн, и выживали в этом параллельном инволютивном процессе «*противоестественного отбора*» хитрейшие и подлейшие племена, которые тысячелетиями оттачивали мастерство в искусстве лжи и коварства, чтобы сталкивать меж собой другие племенные группы и воевать «*чужими руками*». Так в истории человеческой цивилизации воплотилась величайшая мифологема борьбы сил света и тьмы, добра и зла, истины и лжи.

Можно сколько угодно отрицать реальность мифологем, архетипов сознания, но они продолжают присутствовать в любой культуре, в любом языке как возможные отношения между понятиями и мыслеобразами. Если сознание современного человека выглядит как нечто весьма последовательное и «*логичное*», то в так называемом «*подсознании*», которое человек склонен не замечать либо исключать из действительности, непрерывно протекают сложные *дхармические* процессы обмена энергией между мнимыми образами и объектами реальности.

Карл Густав Юнг, исследуя психоэнергетические процессы, сделал предположение, что архетипы сознания являются врожденными особенностями, генетически присущими роду *Homo sapiens*. Патологические отклонения в *психэ* он объяснял разрывом тонкой связи между рассудком и той изначальной *магичностью* языка и сознания, которая деградирует в условиях *механистической* парадигмы и технологического уклада западной цивилизации, приобретая в особо тяжелых случаях черты психоза, причем, иногда коллективного.

В способности к разумному мышлению был генетически заложен рост синаптических соединений между нейронами, призванный наполнять смыслом существование человека, отыскивая новые интерпретации образов. Весь парадокс в том, что закрепившаяся позже в общественном сознании атеистическая, зачастую, довольно вульгарная картина мира, провозгласившая освобождение человека от веры во всякие небылицы, сделала как бы «*ненужным*» и даже «*вредным*» неисчерпаемо-безграничный внутренний мир человека. Духовные и творческие возможности, заложенные в самом разумном существе человека, были жестко подавлены и направлены на выполнение примитивных линейных задач.

Но покончить со всеми этими «*высшими силами*» не получилось. Подтверждением тому является целая индустрия развлечений и *эрзац-культуры*, выполняющая сегодня за деньги, по сути, ту же духовно-ментальную работу, которую человек выполнял когда-то самостоятельно, достигая смысловой наполненности бытия, недоступной потребителю

эрзац-культуры. Ощущая в себе нечто выходящее за рамки допустимого и одобряемого парадигмой, разучившись размышлять, верить в мифологемы, понимать самого себя и других, человек совершает ошибку за ошибкой, начиная искать спасения в отключении сознания путем употребления психотропных веществ, в разнузданном протесте против чего угодно, обращается к шарлатанам, именуя себя экстрасенсами, магами либо «духовными учителями», которые по той же потребительской программе предлагают за деньги решить все его проблемы. Как ни парадоксально, но именно наука, подменяющая живой разум механическим аппаратом для мышления и с наслаждением подавляющая любые проявления духовности, выступает источником распространения многих неврозов и надежным поставщиком клиентов, попадающих к мошенникам-экстрасенсам.

Для науки не существует никакого внутреннего мира или души человека — это для нее *Ничто*, не имеющее никакого значения, такая же мнимая величина, как $\sqrt{-1}$, но, хотя сама наука в своих интересах всегда использовала пространство-время сознания, все эти мнимые единицы и это *Ничто*, она ревностно следит за тем, чтобы человек не стал их раскрывать в самом себе. Однако, как показали В.В. Налимов и Ж.А. Дрогалина в книге «Реальность бессознательного» (1982), эволюция сознания невозможна без «распаковки смыслов», находящихся в области запредельного *Ничто* или семантического вакуума. Подобно тому, как взаимодействие частиц в теории поля осуществляется посредством применения принципа неопределенности Гейзенберга при поглощении и испускании виртуальных квантов энергии, присущая человеку способность к взаимодействию с окружающим миром и со своим психическим ментальным пространством обусловлена раскрытием смысловых значений слов и символов языка, для которых выполняется та же размытость или континуальная неопределенность:

«Человек при жесткой заданности своих представлений абсолютно не понимал бы другого. Отсюда, кстати, становится понятным и настойчивое утверждение Юнга (Jung, 1965) о том, что архетип определяется, прежде всего, формой, но не содержанием — это не вид бессознательной идеи. Иными словами, *архетип* — это только символ, выступающий как ключ, открывающий *Семантическую Вселенную*, но войти в нее мы всякий раз можем лишь в той степени, в какой подготовлены к этому селективной проявленностью своей семантической размытости.

Архетип, по-видимому, может вырождаться, превращаясь во что-то, аналогичное виртуальным частицам. Так открывается возможность взаимодействия человека с *семантическим вакуумом* через ненаблюдаемые (виртуальные) проявления вакуума. Если в плане *физическом* любая частица непрерывно испускает и поглощает виртуальные частицы различных типов, то подобное происходит и в плане *психическом*. Происходящее здесь можно описывать и как непрерывно протекающие флуктуации — функции распределения вероятностей, задающей индивидуальность человека на семантическом поле... В повседневной суете мы не ощущаем своей сопричастности *семантическому вакууму*, но в глубоком сне — сне без сновидений — эта сопричастность иногда приоткрывается. Малопонятные нам явления такого типа, как предчувствия, телепатия, озарение, могут быть интерпретируемы как взаимодействие психики человека с флуктуациями семантического вакуума. Не напоминает ли все это, хотя бы внешне, взаимодействие физических частиц с флуктуациями физического вакуума?»¹⁷

Именно так, во многом случайно и вероятно, развивался язык в архаическую эру гностических систем, но если бы в эволюции самодавлела случайность, то никакой разум и никакая биологическая форма жизни не смогли бы возникнуть в некоторой точке космического пространства, поскольку, едва зародившись, такая структура с той же долей вероятности тут же распалась бы, не оставив следа. Поэтому существование разума и связанного языка, так же, как передача генетической информации, указывает на то, что любой семантический набор сознания, случайных флуктуаций вакуума, состояний атомов и молекул никогда не является в полном смысле *случайной* величиной.

¹⁷ Nalimov V., Drogalina J. Realism of the Unconscious: The Enchanted Frontier. Philadelphia, Pa.: ISI-Press, 1982.

Некоторая функция распределения вероятностей не дает представления о том, какие причины лежат в основе именно такого распределения, поэтому предложенное Василием Васильевичем Налимовым вероятностное описание семантического вакуума по аналогии с квантово-механическим описанием тоже не может быть объяснением чего бы то ни было. Сама по себе функция не говорит, почему она именно такая: это такой же *архетип* — только форма, но не содержание *дхармической* связи. В действительности наука лишь конкретизировала известный *архетип Хаоса*, придав ему соответствующую форму и вид математической функции, но так и не наделила его никаким содержанием и никаким смыслом или, собственно говоря, *знанием*.

О б этом отказе от дальнейших поисков *знания*, об ограниченности притязаний науки и переходе научной парадигмы к установкам, свойственным *агностицизму*, очень точно высказывался Юджин Вигнер: «*Хотя об этом не принято говорить вслух, мы все знаем, что с общечеловеческой точки зрения цели нашей науки много скромнее, чем цели, например, древнегреческой науки, и что наша наука с большим успехом увеличивает нашу мощь, чем наделяет нас знаниями*».¹⁸ Но если мы все-таки поставим вопрос, который отличал «нескромное» архаичное сознание от «скромных» целей науки, что именно влияет на распределение плотности вероятностей, то в любом из всех возможных распределений мы обнаружим отклонение, задающее вектор упорядочения хаоса в некоторую структуру.

Вполне естественно, что этот упорядочивающий вектор для существа, обладающего разумом, отождествлялся с *Мировой Душой* или *Верховной Личностью Бога*, потому что сознание обладает точно таким же свойством упорядочения, то есть некоторой величиной (виртуальной, мнимой, как бы несуществующей), позволяющей переходить от *Хаоса* к *Логосу*. Вот почему на протяжении всей архаичной эпохи развития гностических систем и в Древнем мире наблюдалась устойчивая обращенность к прошлому, а не к будущему. Именно в прошлом, в возвращении к изначальным состояниям *сатья-юги* или *золотого века*, а не в технологиях будущего мудрецы древности искали утерянные смыслы языка и ключи, открывающие путь к тайнам Вселенной и самопознанию.

Поисками смысловых значений слов, имен, установлением между ними размытых казуальных соотношений были наполнены тысячелетия архаической истории человечества. Зачатки письменности в той первичной парадигме мешали проявлениям семантической неопределенности, поэтому во всех древнейших устных традициях запись священных текстов воспринималась как некое вынужденное зло, искажающее понимание глубинных смыслов языка, ведущее к отрыву от духовной связи с предками, к вражде племен и кривотолкам. Но, несомненно, это была уже самая настоящая гностическая *парадигма* со своими великими открытиями, заблуждениями, внутренней борьбой, и эта парадигма не являлась *доисторической*, поскольку в ней возникло ядро всех нынешних представлений и языков, которыми мы пользуемся ежедневно.

Назвав время возникновения разума «*доисторическим*», новоевропейский человек надеялся обойтись в дальнейшем процессе познания без обращения к тем первоистокам, из которых развились уникальные нейрофизиологические особенности мозга. С таким же успехом можно было надеяться познать биологию, эволюционную теорию, не обращаясь к изучению простейших форм жизни, цитологии и генетики, хотя уже в одноклеточных организмах на заре эволюции происходили грандиозные по значимости процессы. Чтобы приблизиться к пониманию масштабности тех задач, которые возникали перед сознанием

¹⁸ Вигнер Ю. Этюды о симметрии. М., 1971. С.176

в архейскую эру гностических систем, достаточно вспомнить, например, какое значение в ведическом мировоззрении придается священной мантре «Ом» = «Аум», воспринимаемой как мыслеобраз *первослова*, зарождающегося в глубине дыхательных путей через звук «а» (ядро), охватывающего язык звучанием «у» (внутреннее строение) и переходящего в губное «м» (оболочка или мембрана, соединяющая внутреннее пространство с внешним). А весь священный слог «Ом» целиком понимается как просветленное состояние, что в русском языке выражается словом «Ум» или *Разумом*, освобожденным от хаотичного состояния.

Рис. 17. Сходная по строению с живой клеткой лигатура священного слога «Ом», внутри которой изображен четырехликий *Брахмо*, олицетворяющий созидание, *Вишну*, поддерживающий космический порядок, *Шива*, высвобождающий энергию через разрушение материи, *Сарасвати*, олицетворяющая речь и знание, и *Кали*, олицетворяющая вечность времени

В самом деле, если рассматривать древнейшие пласты архаичной культуры, то в них еще не было того разнообразия божественных имен, характерных для поздних языческих культов Древнего мира. Первичное слово, из которого возникла проявленная Вселенная, должно было ассоциироваться для древнего человека с естественными звуками, повторяя гудение ветра, походивший на звук, исходящий от вращающихся предметов. Поэтому всюду раздающиеся акустические вибрации, близкие к звучанию слога «Ом», действительно, указывают на чрезвычайно ранний, палеолитический период его сакрализации. Причем мотивы сакрализации этого звука угадываются и в мифологии африканского племени догонов, в соответствии которой из космического яйца *Амма* возник творец *Номмо*, и в имени *Ометеотль* первого божества ацтеков, и в имени творца *Омам* южноамериканских племен яномани, и в других весьма отдаленных во времени и пространстве культурах.

Можно с уверенностью говорить о том, что как раз близость к природным вибрациям во многом обеспечила непрерывность ведической традиции, сохранившей сакральный смысл мантры «Ом» и поразительные по глубине семантические интерпретации такого простейшего, казалось бы, «одноклеточного» слова. Но, если мы обратимся к цитологии, то важнейшей особенностью, отличающей одноклеточные организмы от многоклеточных, является именно их потенциальное *бессмертие*, способность полностью регенерировать и передавать при делении свое вещество. Другими словами, как со времен палеолитических культур до нас смогла дойти мантра «Ом», так же на Земле до сих пор может обитать точно такой же организм, от которого миллиарды лет назад и началась эволюция.

Зная об этом, осознавая *дхармическую* связь между эволюцией Вселенной, развитием жизни и человеческого разума, становятся понятны слова Карла Густава Юнга, много лет посвятившего изучению движения психической энергии и архетипов сознания: «Когда я понял, что выражает собой мандала, я достиг своего конечного знания».